

Восточный архив

№ 1 (39), 2019

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте
Института востоковедения РАН

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Р.Г. Пихоя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.03.2019
Объем 12,5 п. л.
Тираж 80 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2019

© Институт востоковедения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

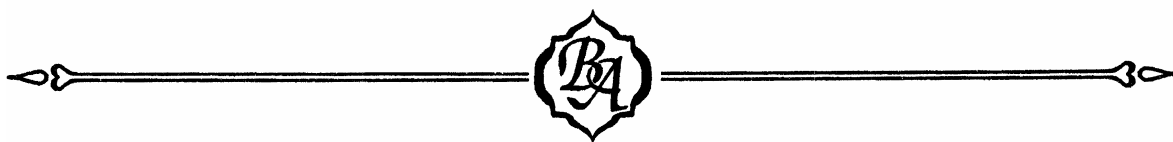
Слово редактора	3
Цвижба Л.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и участие в ней абхазов.....	4
Лалин П.А. Китайский философ Янь Фу (1854-1921) и его взгляды в области образования	9
Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 2	16
Прожогина С.В. Изабелла Эберхардт: с мечтой о братстве... ..	29
Мосаки Н.З. «Письма из Турции» вице-консула в Ване С.П. Олферьева	41
Марахонова С.И. М.Г. Попов (1884-1930): офицер, востоковед, педагог	49
Шмидт В. Южно-Африканский Союз и нацистская Германия: взаимоотношения государств в межвоенный период (1930-е гг.)	60
Беляков В.В. Дипломатический протокол в Египте	67
Кадырбаев А.Ш. Лидер казахов Китая Оспан-батыр и «революция трёх округов» в Восточном Туркестане. 1940–1951 гг.	78
Бухерт В.Г. Ян Хиншун – переводчик «Дао дэ цзин»	89
Хазанов А.М. Освобождение Индией португальской колонии Гоа в 1961 г.	93
Наши авторы	104

Oriental Archive

No. 1 (39), 2019

CONTENTS

Editor's notes	3
Tsvizhba, Larissa. Russian-Turkish War in 1877–1878 and participation of Abkhaz in it	4
Lapin, Pavel. Chinese philosopher Yan Fu (1854–1921) and his views on education	9
Noric, Boris. Colonel Kossagovskiy's Dairy. Part 2	16
Prozhogina, Svetlana. Isabelle Eberhardt: dreaming of brotherhood	29
Mossaki, Nodar. "Letters from Turkey" by vice-consul in Vane Sergey Olferiev	41
Marakhonova, Svetlana. Mikhail Popov (1884–1930): officer, orientalist, educator	49
Schmidt, Waldemar. South African Union and Nazist Germany: relations of the states between World Wars	60
Belyakov, Vladimir. Diplomatic protocol in Egypt	67
Kadyrbaev, Alexander. Leader of Chinese Kazakhs Ospan-Batyr and "revolution of three districts" in Eastern Turkistan. 1940–1951.....	78
Bukhert, Vladimir. Yan Hinshun as a translator of "Dao da tsin"	89
Khazanov, Anatoliy. Liberation by India of Portuguese colony Goa in 1961	93
Contributors	104

Н.З. Мосаки

«ПИСЬМА ИЗ ТУРЦИИ» ВИЦЕ-КОНСУЛА В ВАНЕ С.П. ОЛФЕРЬЕВА

В 2017 году И.В. Зайцев опубликовал дневник известного русского дипломата, вице-консула в Ардебиле (Персия, с 1908 г.) и в Ване (Османская империя, с 1910 г.) Сергея Петровича Олферьева (1875, Пенза – 1942, Ленинград, скончался от голода), написанный тем по итогам его инспекционной поездки по «Курдистану и землям несториан осенью 1912 года» (из Вана в Урмию и обратно). Дневник хранится в Архиве Российской академии наук¹. Надо воздать должное И.В. Зайцеву за объём проделанной работы. Заслуга публикатора состоит не просто в подготовке к изданию дневника, что само по себе уже ценно, но и в обработке как опубликованных, так и неопубликованных материалов из различных архивов, касающихся С.П. Олферьева.

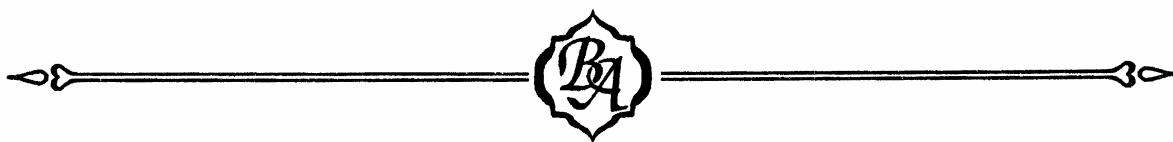
Книга начинается статьёй, в которой читателю сообщаются интересные сведения о судьбе русского дипломата². Весьма информативно и предисловие, написанное И.В. Зайцевым в соавторстве с известным курдоведом О.И. Жигалиной³. Оно посвящено политике России в отношении народов, населяющих край, в первую очередь, ассирийцев и курдов.

Хотя С.П. Олферьев ранее не был известен широкому кругу востоковедов, тем не менее у него имелись работы по арабистике. Его заслуги как арабиста отмечали И.Ю. Крачковский и В.А. Гордлевский⁴, в фонде которого И.В. Зайцев и обнаружил копию рукописи дневника С.П. Олферьева⁵. Однако после окончания учёбы и поступления на дипломатическую службу С.П. Олферьев полностью посвятил себя практической работе дипломата в Иране и Турции «и к научной арабистике более не возвращался»⁶.

В опубликованном дневнике приводятся интересные этнографические детали, сведения, касающиеся этнического и конфессионального состава селений Турецкой Арме-

нии и Курдистана, даётся подробное описание местности. Автор передаёт свои впечатления от знакомства со многими лидерами ассирийского народа, показывает настроение курдов и несториан в канун Первой мировой войны. Интересы С.П. Олферьева были чрезвычайно широки: он уделял большое внимание курдскому фактору и одновременно скрупулёзно собирал информацию о военных возможностях курдских племён, что в условиях слабости османской власти на местах имело важное политическое значение для политики России в регионе⁷.

Впоследствии, в 1929 г. С.П. Олферьев под псевдонимом «С. Вегин» опубликовал художественное произведение на основе этого дневника⁸. Данная работа включена И.В. Зайцевым в книгу в качестве отдельной главы, что, учитывая её характер и рассматриваемую проблематику, является вполне оправданной попыткой объединить сведения из двух разных по жанру работ в один исторический источник. Остается сожалеть, что пока для читателя недоступна упоминаемая С.П. Олферьевым секретная часть дневника, в которой он подробно описывал свои беседы с лидерами ассирийского народа – маршимуном и епископами, тяготевшими к России, а также некоторые другие важные сведения, касавшиеся русской политики в отношении местных народов. Тем не менее, даже без этого, учитывая, что появление каких-либо неизвестных архивных материалов по данной теме – явление весьма редкое, без сомнения, введение в научный оборот оригинального труда русского вице-консула дополнит знания о курдах, ассирийцах, армянах и в целом сведения о Восточной Анатолии начала второго десятилетия XX века. При этом нелишне отметить, что донесения вице-консула в Ване С.П. Олферьева, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, в своё время

стали важным источником в уже ставшей классической работе известного отечественного курдоведа М.С. Лазарева⁹.

Таким образом, с учётом публикации дневника имя С.П. Олферьева дополнит список русских дипломатов-востоковедов, среди которых, конечно же, следует выделить в первую очередь В. Минорского и В. Никитина, чьи работы стали необходимым подспорьем для курдоведов. В связи с этим вызывает интерес представленный в конце книги «В верховьях Тигра. Дневник и описание пути...» список «печатных и неопубликованных трудов» С.П. Олферьева¹⁰.

Часть из этих работ опубликована, но, тем не менее, осталась без внимания исследователей. Так, в числе прочего, перечислена серия статей С.П. Олферьева (за подписью «С. О.») под названием «Письма из Турции», опубликованных в 1912 году. Находясь на разных должностях в дипломатических миссиях России в Турции и Иране, автор собрал немало интересных сведений о крае и о населявших его народах. Этими сведениями, кроме донесений по дипломатической линии и дневника, русский дипломат делился на страницах «Пермского вестника землеустройства», издававшегося Пермской губернской землеустроительной комиссией. Главным редактором издания был Николай Олферьев, брат-близнец дипломата. Краткому обзору этих писем и посвящена настоящая статья.

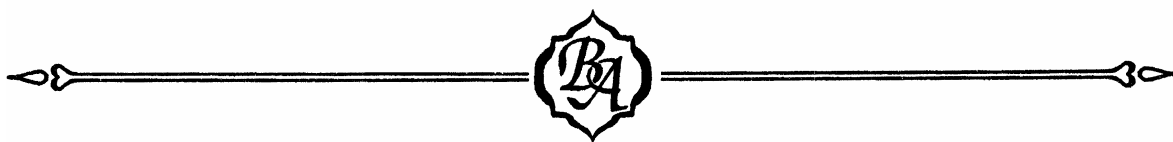
Надо отметить, что в составленной Ж.С. Мусаэлян обширнейшей библиографии по курдоведению, в которой упомянуты даже работы, где хотя бы косвенно затрагиваются курды и их история, нет никаких сведений об С.П. Олферьеве и, в частности, о его сообщениях в «Пермском вестнике землеустройства», в каждой из которых речь идёт о Турецком Курдистане и Армении, курдах и армянах¹¹.

Понятно, что из-за отсутствия подробных сведений об С.П. Олферьеве его публикации в провинциальном «Вестнике», который обычно печатал статьи, посвящённые сугубо вопросам землеустройства в России и никоим образом не относился к изданиям,

проявлявшим интерес к Востоку, не попали в поле зрения даже такого внимательнейшего библиографа-курдоведа, как Ж.С. Мусаэлян. Примечательно, что в этой библиографии упоминается его книга под авторством С. Вегина (без идентификации его как С.П. Олферьева) с указанием, что она описывает путешествие автора к курдам и содержит многочисленные этнографические подробности о быте курдов, айсоров, езидов и армян¹². Ссылки каких-либо авторов, изучавших Турецкую Армению и Курдистан в преддверии Первой мировой войны, на заметки С.П. Олферьева в «Пермском вестнике землеустройства» нам также не известны. Поэтому в каком-то смысле эти заметки посвящены архивным материалам, которые ранее не были введены в научный оборот.

«Письма» С.П. Олферьева интересны не только тем, что принадлежат перу востоковеда-дипломата, но и тем, что они весьма откровенны. Поскольку личность и пост автора в публикации не указывались, он описывал увиденное на Востоке без какой-либо самоцензуры. При этом тематика «Вестника», понятно, обусловила преимущественно аграрный характер сообщений русского дипломата.

Для С.П. Олферьева служба за рубежом являлась, можно сказать, местом бегства от российской социально-политической действительности. Хотя он ясно осознавал необходимость коренных изменений в Российской империи, учитывая, что в верхах царил «обскурантизм, стяжательство и полное пренебрежение интересами народа»¹³, тем не менее, будущее пугало его неизвестностью и предчувствием надвигающейся катастрофы. К тому же, несмотря на своё политическое настроение и огромное уважение к друзьям-революционерам, он придерживался весьма умеренных взглядов в отношении характера процессов политических преобразований. В этом смысле поездка в Персию давала ему возможность не принимать сторону своих друзей. Так, в личном дневнике С. Олферьев оставляет запись о своём друге, вышедшем из тюрьмы – Ф. Федоровиче: «Это – упорнейший революционер, добрей-

ший и благороднейший из всех нас, товарищей по гимназии. Я с ним очень дружен и люблю его от души, но всегда избегаю говорить с ним о политике, в которой никогда не мог хорошенько разобраться. Причина проста – меня увлекает восток, путешествия, литература, а его – борьба с правительством. Мне бы только поскорей удрать в Персию и заняться любимым делом: литературой и этнографией...»¹⁴. «Фед-ч просит организовать помощь [неразб.] товарищам, сидящим по тюрьмам. Конечно, сделаю, что могу, но ведь это будет капля в море... Его оптимизм меня сильно удивляет, и мне кажется, что вся работа революционеров пока сводится к нулю. Впрочем, трудно предвидеть будущее... Стараюсь об этом не думать, так как всё равно ни о чём не додумаюсь»¹⁵.

Неудивительно, что русский дипломат, описывая на страницах «Вестника» социально-политические реалии в Турции, в первую очередь, оглядывается на ситуацию внутри своей страны. Наблюдая, по его выражению, «практически ежедневно» примеры беззакония в Османской империи, С.П. Олферьев рассуждает о возможных последствиях революционной вакханалии «для нашего крестьянства», «если бы таковая не была сдержана вовремя твердой рукой правительства»¹⁶. «Я, конечно, – писал он, – не говорю здесь о людях идеи, которых насчитывается на тысячи один, а о той нечисти, которую порождает всякая революция и которая, в качестве дьявольского отродия, не имеет никакого представления о добре и зле»¹⁷.

С.П. Олферьев принадлежал к числу представителей российского корпуса дипломатов, призывавших к решительным шагам для усиления влияния России в регионе и к активному использованию курдского фактора в отношениях с Турцией, для чего предлагал открыть дополнительные дипломатические посты в отдалённых районах Курдистана¹⁸. Он сожалел о том, что Петербург не использовал потенциал для усиления своего влияния, в частности, на курдов и, особенно, ассирийцев, искавших покровительства России¹⁹. Однако его планам не сужде-

но было осуществиться. Политика России в этом вопросе была крайне осторожной и учитывала как ассирийско-курдский и армяно-курдский антагонизм, так и военные возможности курдов и их взаимоотношения с османскими властями, для которых курды исторически представляли важный источник воинских формирований²⁰. При этом, как известно, привлечение на свою сторону путем подкупа некоторых курдских родоначальников было немаловажным фактором во время многочисленных русско-турецких и русско-персидских войн²¹.

В этом смысле на страницах «Пермского вестника земледелия» мы можем видеть, с каким настроением и мыслями в 1909 году С.П. Олферьев впервые въезжал в Турцию из России – не просто «удрать на Восток» для посвящения себя (как писал в дневнике) любимому делу – литературе и этнографии, а предаваясь весьма смелым для человека, хорошо ориентирующегося в политической ситуации в регионе и трезво осознающего возможности России, имперским мечтаниям: «И думалось мне, что не так далёк тот день, когда Россия, стоящая на рубеже между Европой и Азией, принесёт свою культуру в дикие горные области, что, под названием турецкой Армении и Курдистана, потянулись далеко – далеко на юг от нашей кавказской границы, в сторону Месопотамии и Персидского залива. Россия возродила такие огромные области, как Кавказ и Туркестан. Ей предстоит призвать к жизни обширные пространства, где когда-то властвовала великая Ассирия. Это – очередная задача истории, и она будет выполнена непреклонной волей и энергией лесного севера»²².

Находясь на дипломатической службе в Персии и в Турции, особое внимание русский дипломат уделял жизни местных крестьян. Вспоминая, он пишет: «Я ехал в Турцию прямо с Поволжья, где шла энергичная и успешная работа по землеустройству, – работа, которой живо интересовалось всё местное общество, видя в ней залог славного будущего России»²³. Однако из Турции перспективы крестьянского вопроса в Рос-

сии виделись ему несколько в ином свете. Наблюдая за жизнью сельских жителей Турецкой Армении и Курдистана и сопоставляя её с условиями жителей русских деревень, С.П. Олферьев давал на страницах «Вестника» неутешительную оценку их положения. Он с сожалением отмечал, что жизни армянина-сельчанина, терпящего большие притеснения со стороны турецких властей и постоянно подвергающегося разорительным набегам курдов, «позавидует средний русский крестьянин»²⁴. Причиной этого является «единоличное пользование землей»²⁵.

В Турции, продолжал он, нет «общинного владения землей. Несуразной общины не знали здесь и в старину. Сельчане сидели на земле, принадлежащей им или по праву собственности, или арендуемой ими у казны и крупных землевладельцев. Ранее здесь существовало своего рода феодальное устройство. Земли находились в руках беков (по-нашему – дворян), которые распоряжались ею как им было угодно и мало заботились о благополучии сельчан... Пережитки феодализма можно встретить и поныне в диких горах Курдистана, где власть султана пока номинальна и где курды продолжают жить кланами, согласно старым обычаям и порядкам. Тогда как в долинах феодализм естественным образом перешёл к единоличному владению землей, – в горных областях, отдалённых от городов неприступностью гор, продолжают свирепствовать феодальные обычаи и насилие»²⁶.

Подобное понимание решения крестьянского вопроса было весьма распространено в России. Однако, как известно, некоторые полумеры, реализованные в годы правления Николая II, так и не привели к урегулированию этой проблемы. Русский крестьянин так и остался, по сути, зависим от сельской общины.

Весьма интересным представляется наблюдение С.П. Олферьева, касающееся сельских жителей Персии, где их положение, по его мнению, даже лучше, чем в Турции, а отсутствие порядка компенсируется весьма разумным подходом персидских вла-

стей на местах. С.П. Олферьев пишет: «Там, по крайней мере, губернаторы решают с крестьянами вопросы о податях с обоюдного согласия. Когда нужно, солидарно обмывают правительство и отдают только часть того, что требуется. Но ведь зато в Персии правители провинции обыкновенно получают жалование только на словах, а на деле ограничиваются сбором “добровольных” пожертвований. С имущих берут более, чем с бедняков. Это всё-таки отчасти справедливо. В Турции куда хуже. Как будто бы здесь и больше порядку, а на самом деле населению живётся тяжелее, чем в Персии»²⁷.

При этом С.П. Олферьев, наблюдая происходящий в Турции «опасный политический переворот» и необходимость преобразования в аграрном вопросе, отмечал, что политика младотурок лишь обострила земельные споры между армянами и курдами, а их декларируемые намерения соблюдать равенство между народами на деле явились лишь политической уловкой. Русский дипломат писал: «В Турецкой Армении, где бок о бок живут армяне и курды, аграрный вопрос служит ныне причиной обострённой вражды между двумя этими национальностями. Дело в том, что во время армянской резни в Курдистане и Турецкой Армении многие из армян, побросав свои земли, бежали в Россию. Курды воспользовались этим обстоятельством и, с помощью насилий и взяток, запаслись нужными документами на покинутые земли. С объявлением нового режима часть армян возвратилась на родину, но земли их находились уже на “законном основании” во владении курдских беков, продолжающих жить здесь на правах феодалов.

Правительство до сих пор не знает, как выбраться из подобных затруднений, и передаёт дела на разрешение местных судов в тайной надежде, что это избавит правительство от обвинений в газетах в пристрастии к христианам и поможет закрепить земли раз и навсегда, с помощью судей-мусульман, за курдами, исповедующими ислам. Хотя курды не любят турок, но, в качестве братьев по

вере, они всё же симпатичнее туркам, чем армяне, на которых турецкое правительство мало надеется даже в дни младотурецкого режима, когда на словах объявлена равноправность всех граждан, а на деле продолжает свирепствовать тот же фанатизм и те же гадкие чувства турка к христианину»²⁸.

Хотя будущее Османской империи, которая подошла к определённом окончанию своего жизненного пути, виделось С.П. Олферьеву предопределённым, то направление, как указывал он, по которому шли младотурки в своей внутренней политике, лишь усиливало степень всеми ожидаемой опасности и, в частности, неизбежность катастрофы армянского народа. Однако многими, в том числе и армянскими организациями, это в полной мере ещё не осознавалось.

Обрушиваясь, к примеру, с критикой на дашнаков за разграбление простого армянского народа и расхищение «народного богатства» в монастырях, С.П. Олферьев указывал на их открытый союз с комитетом «Единение и прогресс», игравшим «в Турции первенствующую роль»²⁹. С.П. Олферьев писал, что «дашнакцаканы работают на словах во имя народа, а на деле являются такими же насильниками, как и дикие курды», «здешние сельчане пострадали от этих господ не менее, чем от набегов курдов»³⁰. Эти «деятели свободы», по словам С.П. Олферьева, «под видом борьбы за свободу крестьянам насильственным образом продают винтовки по самой дорогой цене», получая таким образом «барыши». При этом «крестьяне-армяне обязаны кормить и одевать этих господ за свой счёт», а «кто осмелится противиться этому, того убивают», причём «эти частые убийства обычно скрываются самими же крестьянами из опасения, что и с ними будет поступлено так же»³¹.

Понятно, что отношение русского дипломата к дашнакам было обусловлено их весьма активной революционной деятельностью в 1905-1907 годах в Российской империи (в Восточной Армении и в Закавказье в целом). Впоследствии многие выходцы из России, спасаясь от преследований властей, эмигрировали в Турцию и стали политиче-

скими активистами в Турецкой Армении³². При этом, несмотря на симпатии к армянам, которые С.П. Олферьев передаёт в своих очерках, он, тем не менее, отражая интересы Российской империи, выражает основные константы, характеризующие её стратегию по отношению как к курдам, так и армянам, проживавшим в Азиатской Турции. Подобно М. Лихутину в бытность его начальником Штаба Эриванского отряда, т.е. человеком, непосредственно осуществлявшим «курдскую политику» России во время Крымской войны и заявлявшим, что курды в большей степени полезны как жители Турции – «как один из элементов её слабости и разрушения»³³, С.П. Олферьев считал, что Россия заинтересована в выступлениях курдов, поскольку, если даже они «потерпят неудачу», «это ослабит Турцию»³⁴. При этом если кому-либо из этих народов (армянам или курдам), борющихся за свои национальные права, суждено добиться успеха в вопросах национального самоопределения, русский вице-консул полагал, что «лучше автономный Курдистан», «чем автономная Армения, ибо в России, на Кавказе живут 1,5 млн армян и всего 130 тыс. курдов»³⁵, что, соответственно, может привести к сепаратизму Российской Армении.

Сведения, приведённые в «Письмах», весьма разнообразны. Помимо информации о местном крестьянстве и социально-политической жизни края, русский дипломат много внимания уделяет описанию ирригационных сооружений в Ванской провинции, отмечая, что вода – главное богатство на Востоке³⁶. Его восхищает техническое состояние многочисленных старинных запруд «с необходимыми отверстиями, через которые вода опускается»³⁷ в «грандиозные оросительные каналы, проведённые среди гор на десятки вёрст»³⁸, и «течёт по ним среди горной местности до самого Вана»³⁹. Он также описывает другие исторические памятники, сохранившиеся от урартской эпохи и армянского господства – «дворцы, языческие храмы, изумительные клинописные надписи, высеченные на неприступных скалах и прочее»⁴⁰.

Живо интересовался С.П. Олферьев деятельностью учёных в крае и результатами их исследований. В частности, он описывает проводимые раскопки в окрестностях Вана, которые «должны дать... богатые результаты» в отношении истории города. «Мы должны радоваться, – писал он, – что русские учёные проявляют всё более интереса к этому вопросу и уже два года заняты изучением Ванского округа. Есть надежда, что им удастся произвести здесь нужные раскопки. Пионером в этом деле явился наш этнограф Е.А. Лалаян, много поработавший для исследования нашего Закавказья»⁴¹.

Весьма интересны наблюдения русского дипломата-востоковеда о занятиях народов края, причём значительная часть посвящена основным народам региона – курдам и армянам. Не считая дашнаков, С.П. Олферьев восхищается армянами, особенно их хозяйственной деятельностью, противопоставляя им в этом смысле курдов, подрывающих местное «земледелие и торговлю»⁴².

Армян он называет «трудолюбивым оседлым населением», «прекрасными скотоводами»⁴³ и «лучшими земледельцами»⁴⁴, «пионерами европейской цивилизации»⁴⁵, изображая их деревни как «благоустроенные», «с хорошими садами, водяными мельницами и искусственными канавами для орошения полей»⁴⁶, и при этом регулярно становящиеся объектом «дерзких набегов курдов, всегда готовых попользоваться чужим добром»⁴⁷.

Зимние селения курдов, покидающих в стужу «привольные горные пастбища», С.П. Олферьев описывает лишь как место «зимних стоянок» – как «груды камней», где в домах, выложенных из «грубых камней» и едва возвышающихся над землёй, курды укрываются «на зиму вместе со скотом в зловонных человеческих берлогах» и «с первым появлением весны уходят в родные им горы, где кочуют до поздней осени»⁴⁸.

Относя армян к народам, восприимчивым «к высшей культуре», создавшим великолепные памятники старины⁴⁹, С.П. Олферьев сожалеет о распространённых в русской печати необоснованных и огульных об-

винениях армян в готовности «использовать с корыстной целью своего ближнего», в концентрации в своих руках капиталов и закабалении всего населения Кавказа, в воспитании детей в ненависти в России и мечте о создании отдельного армянского княжества. Он отмечает, что подавляющее большинство армян (более 90%) является крестьянами и занимается земледелием и скотоводством, причём «армянский сельчанин – понятлив, трудолюбив, скромен в своих потребностях и хороший семьянин, всегда заботящийся о том, чтобы дать какое-нибудь образование своим детям. В каждом армянском селении непременно имеется школа»⁵⁰. Сосредоточение же капиталов в руках армянского купечества – что на Кавказе, что в Турецкой Армении, – С.П. Олферьев объясняет предприимчивостью, образованностью и скромностью армянских купцов и более низким уровнем этих качеств у соседних с армянами народов. Жадность и лицемерие турецких армян, по наблюдению С.П. Олферьева, обусловлены бесчинствами и жестокостью мусульман, во взаимоотношениях с которыми армянин может рассчитывать лишь на деньги. Слухи о ненависти к России армян русский дипломат также категорически опровергает⁵¹.

В целом надо отметить, что в отношении многих вопросов, касавшихся курдов, взгляды русского дипломата перекликались с мнением многих отечественных военных, востоковедов и путешественников. Так, разъезжая по живописным кочевьям «курдов-номадов, прирождённых и отчаянных разбойников», С.П. Олферьев пишет о них: «...Дикие дети гор, жалкие остатки древних мидян, до сих пор не вполне подчинены власти султана и живут совершенно обособленно. Они не любят оседлой жизни. Их стихия – необозримые горные пространства, где они кочуют с места на место...»⁵². Курды, грабительские действия которых были настоящим бичом для местного мирного населения, в основном армянского, хотя и наделены чертами разбойников, тем не менее представлены в весьма романтическом образе, что в целом характерно для отечествен-

ного курдоведения, причём не только дореволюционного, но и советского.

Подобный подход к «рыцарям Востока» многократно растиражирован в литературе. Большую роль в этом сыграл один из основоположников изучения курдов Н.Я. Марр: «В Передней Азии есть замолчанная историей народность... Она единственная в интересующем нас районе стояла ещё ко времени появления турок на высоте доблестей пастушеско-военного быта, не осложнённых или извращённых традициями искусственной городской жизни и книжности»⁵³.

Таким образом, согласно российской курдоведческой традиции, курды, сохранившие черты своего далекого прошлого, несправедливо замолчаны историей, хотя их историческая жизнь глубже современных хозяев курдской земли. Известный советский курдовед М.С. Лазарев, продолжая подобную традицию, писал: «Внешняя географическая среда, без сомнения, способствовала формированию курдского национального менталитета и своеобразного и характерного облика курда-горца – существа физически выносливого, неприхотливого, привыкшего преодолевать любые трудности и полагаться только на себя. Эти черты лежали в основе таких известных особенностей курдов, как личная отвага и свободолюбие, что делало из них первоклассных воинов, высоко ценимых на Ближнем Востоке»⁵⁴.

При этом в советской историографии, как известно, многочисленные тезисы о курдах как о «народе-грабителе», не способном «обеспечить порядок на занимаемой им территории» и нуждающемся в «установлении над собой сильной власти», рассматривались в контексте колониального характера буржуазной историографии⁵⁵, оправдывающей экспансионистские устремления мировых держав.

Завершая, отметим, что обзор и представление библиографии работ С.П. Олферьева, содержащих немало весьма интересных сведений, – без сомнения, фактор, который дополнит знания по рассматриваемой теме.

Примечания

¹ Олферьев С.П. В верховьях Тигра. Дневник и описание пути, составленные надворным советником Олферьевым во время поездки в земли несториан осенью 1912 г. / С.П. Олферьев; составитель: Зайцев И.В.; Архив РАН, ИНИОН РАН, Ин-т востоковедения РАН; предисловие Жигалиной О.И., Зайцева И.В. М.: ИНИОН РАН, 2017. – 398 с. + 38 с. илл.

² Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 4–18.

³ Жигалина О.И., Зайцев И.В. Предисловие // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 19–32.

⁴ Подробнее см.: Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 6–7.

⁵ Жигалина О.И., Зайцев И.В. Предисловие // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 25.

⁶ Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 7.

⁷ Рецензия на работу подготовлена мною отдельно и в настоящее время находится в печати.

⁸ Вегин С. В верховьях Тигра (у айсоров и курдов). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929.

⁹ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.). М.: Наука, 1964. С. 41, 99, 156, 157, 164, 170, 175, 179, 181–183, 195, 200, 200, 201, 203, 205, 207, 225, 226, 246, 320, 331.

Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. С. 52, 102, 156, 160, 161, 167, 168, 172, 176, 180, 182, 183, 185, 201, 202, 207, 208, 224, 225, 247, 324.

¹⁰ Библиография печатных и неопубликованных трудов С.П. Олферьева // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. Дневник и описание пути... С. 282–284.

¹¹ Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению (начиная с XVI века). Часть I. Часть II. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

¹² Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению (начиная с XVI века). Часть I. С. 151–152.

Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. С. 49.

¹³ Цит. по: Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 9.

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 8.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 9.

¹⁶ *С[ергей] О[лферьев]*. Письма из Турции (От собственного корреспондента) // Пермский вестник землеустройства (далее ПВЗ). 1912, № 25. С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). С. 224

¹⁹ *Олферьев С.П.* В верховьях Тигра. С. 95–96.

²⁰ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. С планами. Том IV. Тифлис, 1908. С. 7.

²¹ Об этом на примере Крымской войны см.: *Мосаки Н.З.* Политика России в отношении курдских племён на границе с Османской империей во время Крымской войны // Российская история. 2018, № 3. С. 159–170.

²² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 13–14.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же.

²⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25. С. 11.

²⁷ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 32.

С. 13.

²⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24.

С. 13.

²⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25.

С. 11.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² *Киракосян Дж. С.* Младотурки перед судом истории. Ереван: Айастан, 1989. С. 130.

³³ *Лихутин М.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863. С. 171–172.

³⁴ *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). С. 167.

³⁵ Там же.

³⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 36. С. 14.

³⁷ Там же.

³⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 14.

³⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 36. С. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 14.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24. С. 14.

⁴⁵ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25.

С. 11.

⁴⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18.

С. 14.

⁴⁷ Там же. См. также: *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24. С. 13, 14; № 26. С. 12; № 32.

С. 14.

⁴⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18.

С. 14.

⁴⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 22.

С. 14.

⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵¹ Там же.

⁵² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 13–14

⁵³ *Март Н.Я.* Еще о слове «челеби» (к вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1911. Т. 20. Вып. 2–3. С. 117.

⁵⁴ *Лазарев М.С.* Категории курдской истории // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. О.И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 79.

⁵⁵ *Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963. С. 20.

